

— О, ещё одна подделка, эй, вы совсем обнаглели, я знаю, что ученики Врат Тяньюань остановились в этой гостинице, вы смельчаки...

Хуа Буюй промолчал.

Вот это старший брат, почему он сам не догадался!

Юй Худе, как только Чжао Цзэкуй открыл рот, создал звукоизолирующий барьер, полностью игнорируя его.

— Оденьтесь потеплее, вечером прохладно, через одну палочку благовоний встретимся внизу.

— Хорошо.

Однако, хотя барьер Юй Худе изолировал звук, он охватывал только их троих. Чжао Цзэкуй кричал и прыгал, привлекая внимание всех вокруг.

Юй Худе взмахнул рукой, установив барьер вокруг этой группы, позволив им шуметь, а сам взял ключи и занёс багаж в комнату.

Чжао Цзэкуй, видя, что зрителей становится всё больше, разошёлся ещё сильнее, но постепенно начал понимать, что что-то не так. Почему все смотрят на него?

— Ладно, Хунчунь, они поставили на нас звукоизолирующий барьер, сколько бы ты ни кричал, никто не услышит.

Кто-то не выдержал и попытался успокоить его.

— Что?!

Несколько девушек из группы уже были настолько смущены, что ушли.

— Подлецы!

Чжао Цзэкуй нахмурился, сестры и младшие сёстры ушли, и он мог ругаться сколько угодно, выкрикивая всякие нелепости, ведь посторонние всё равно не услышат.

Мастерство заклинателя было намного выше его, и, сколько он ни пытался, не смог развеять барьер, поэтому решил сдаться и начал ругать предков неизвестного ему человека.

Однако, в конце концов, кроме барьера вокруг Чжао Цзэкуя, все остальные барьеры исчезли, и он мог ругаться только сам с собой, общаться с товарищами приходилось через жесты, что чуть не довело его до инфаркта.

Хуа Буюй, переодевшись, вышел и увидел, что из всей группы осталось лишь несколько человек, а Чжао Цзэкуй стоял там, открывая рот без звука, что выглядело крайне комично, и он не смог сдержать смеха.

— Что такого смешного?

Хуа Буюй обернулся и увидел Цзи Цаншэна с слегка завязанными волосами, одетого в белый халат с золотой окантовкой, с веером в руке, на котором висел нефритовый подвес. Он выглядел как воспитанный молодой человек из знатной семьи.

— Учитель.

Хуа Буюй склонил голову и сложил руки в почтительном поклоне, но Цзи Цаншэн постучал веером по его руке.

— Зови меня Цзи Лай.

Хуа Буюй промолчал.

Неужели он всё ещё играет?!

— Учи...

Чжэуа вышел из-за спины, явно ещё не привыкнув, но остановился на полуслове и поправился.

— Господин Цзи Лай, мы все готовы.

Ци Жу и Бай Гэ, напротив, выглядели как настоящие бездельники, один в зелёном, другой в синем, с золотыми украшениями, без тени смущения называя Цзи Лай.

— Что вы тут стоите.

Юй Худе тоже вышел, одетый в скромный коричнево-белый наряд, слегка поклонился Цзи Цаншэну, не называя его по имени.

Видимо, старшие братья уже привыкли, раньше он не замечал, но, возможно, Цзи Цаншэн часто убегал из Врат Тяньюань ради развлечений.

Хотя Бессмертный владыка Тяньюань запрещал покидать Врата без уважительной причины, это правило существовало уже много лет, и его нарушение не имело большого значения. Пока Патриарх Ся не вмешивался, и никто другой не мог контролировать, они закрывали глаза на это.

Однако, когда они уже собирались уходить, Чжао Цзэкуй с раскинутыми руками преградил путь, пытаясь заставить Юй Худе снять барьер, но Цзи Цаншэн, увидев его, слегка коснулся веером, и Чжао Цзэкуй замер на месте.

Это было его любимое заклинание — обездвиживание. Чем больше разница в уровне мастерства, тем дольше эффект. Даже двадцать два высших бессмертных могли быть обездвижены на полчаса, а этот парень... вероятно, не сможет двигаться до завтрашнего вечера.

Вокруг раздалась смехотворная возня, особенно девушек, словно в комнате запели сотни соловьёв, но эти птички были слишком застенчивы, и, когда на них смотрели, краснели и прятались, а затем снова выглядывали, чтобы украдкой посмотреть.

Когда все собрались, все были в обычной одежде, только Хуа Буюй всё ещё носил форму ученика, и он почувствовал себя изолированным, но не мог попросить вернуться и переодеться, поэтому сжался и вышел вместе со всеми.

На улице ещё было светло, лёгкий вечерний воздух наполнялся ароматом благовоний и пудры, люди шли туда-сюда, некоторые лавки уже зажгли фонари, а вдоль улицы стояли различные повозки, создавая оживлённую атмосферу.

После долгого пребывания в тишине, оказавшись в шумном городе, даже настроение стало более живым, пропитанным духом мирской жизни.

Однако, после шестого «случайного» столкновения, Хуа Буюй начал замечать, что что-то не так.

Турнир боевых искусств был открыт для всего Высшего мира бессмертных, кроме приглашений на участие, были и приглашения для зрителей, и странствующие практикующие тоже могли подать заявку, если у них не было плохой репутации, и места ещё оставались.

Среди зрителей было немало женщин, и многие из них, судя по всему, не имели партнёров. На улицах города большинство составляли группы из трёх-пяти девушек, поэтому тележки с мелочами выстроились от начала улицы до конца.

На прилавках продавались вещицы для девушек, раньше Юй Худе покупал игрушки для Хуа Буюй, но теперь тот вырос, и такие подарки уже не подходили.

Хотя улица была оживлённой, эти одинокие парни, похоже, не имели возлюбленных, поэтому покупать такие вещи было бесполезно, они просто наслаждались атмосферой, смотря, но не покупая.

Однако, когда Хуа Буюй уклонился от седьмой девушки, которая шла, опустив голову, он вдруг заметил, что остальные отстали.

Девушка, которой он уклонился, казалось, была недовольна, схватила его за рукав и, надув губы, смотрела на него, не говоря ни слова.

Непостижимо.

— Что случилось?

Хуа Буюй спросил мягко, но опустил глаза, пытаясь найти остальных. Они же не дети, как могли отстать за несколько шагов? Стыдно.

Девушка долго боролась с собой, но в итоге не сказала ни слова, сунула Хуа Буюй в руки вышитый мешочек и убежала.

Держа мешочек, Хуа Буюй на мгновение застыл, а затем понял, что произошло, и с лёгкой иронией улыбнулся.

Этот мешочек был искусно сделан, не хуже, а может, и лучше тех, что продавались на улице. Швы и вышивка были выполнены с большой тщательностью, видно, что тот, кто его сделал, вложил в него душу. По сравнению с теми мешочками, которые кто-то делал, похожими на когти кошки, с грубыми швами, это было просто небо и земля.

Но...

Хуа Буюй почувствовал, как дыхание стало тяжелее, а в животе за клубился клубок ниток, вызывая беспричинное раздражение.

Отгнав это внезапное чувство, он обернулся и увидел потерявшихся.

— О, тебе подарили мешочек!

Бай Гэ, как обезьяна, подскочил и заглянул в руки Хуа Буюй, поддразнивая.

— Девушка симпатичная, младший брат, не упусти шанс!

Хуа Буюй не стал продолжать разговор.

— Вы всё видели?

— Не только видели, цок-цок.

Подхватил Ци Жу, всегда готовый поддержать Бай Гэ.

— При свете дня, на глазах у всех, вы тут держитесь за рукава, как влюблённые...

Ци Жу даже изобразил, как тянет за рукав Бай Гэ, и они начали разыгрывать сцену, словно были влюблёнными, разлучёнными судьбой.

Хуа Буюй, смотря на этих двух шутников, только вздохнул:

— Вы всё неправильно поняли, у меня нет таких намерений, и этот мешочек слишком хорош для меня, я верну его ей позже.

Ци Жу и Бай Гэ перестали играть, уставившись на Хуа Буюй, как на пришельца.

Цзи Цаншэн рассмеялся, раздвинул двух «деревьев» и положил в руки Хуа Буюй сплетённый из травы замок:

— Если тебе подарили, значит, твоё. Возвращать не нужно.

Автор имеет что сказать: Нужно доработать, в три часа ночи я понял, что не могу писать дальше, я действительно не могу! (плачет) Хочу перенести время обновления на полдень или девять вечера, как вы думаете?

Я себя убил, писал до трёх ночи, встал в семь утра, занимался делами, вернулся и увидел, что нет ни одного комментария, настроение сразу упало, открыл документ, чтобы доработать текст, и понял, что не установил автоматическую публикацию..... Я идиот!!!

<http://bllate.org/book/17680/1648257>